

7 $\frac{45}{330}$

30. НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

КАРМЕНЪ.

СТОНЪ ТАТАРКИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

М.С. КОЗМАНА

✻ ВЪ ОДЕССѢ ✻

КАРМЕНЬ

СТОНЪ
ТАТАРКИ

БОЖКИ
КИТАЙЦА

РАЗСКАЗЫ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

М.С. КОЗМАНА

❧ ВЪ ОДЕССѢ ❧

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ Г. Н.
ПАРАНТА ВЪ ОДЕССѢ,
ПУШКИНСКАЯ, Д. № 38.

КАМЕНЬ

СТОПЪ

ТАТАРЪН

БОЖН

Дозволено цензурою. Одесса, 29-го июля 1903 года.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ

М.С. КОЗМАН

В ВР. ОДЕССА

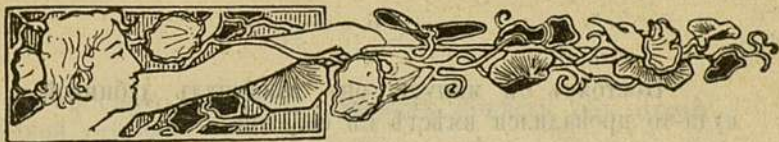
ВАЗСКАЗЫ

2007054144

В. П. КОЗМАНЪ
ОДЕССА
В. П. КОЗМАНЪ

СТОНЪ ТАТАРКИ

Это было въ Ялтѣ.

Я усталъ, шатаюсь по ея окрестностямъ, и прилежъ отдохнуть въ тѣни кипарисовъ, въ трехъ шагахъ отъ Дерикоя. Не Дерикоя—деревни, а рѣчки.

Чудная картина стояла передо мной.

На ослѣпительномъ фонѣ солнца зеленѣли табачныя плантаціи, сады, виноградники, бѣлѣлись кусочками снѣга дачи и гигантской курильницей поднималась къ небу Яйла.

Яйла курилась.

Нестерпимо палящее солнце, казалось, зажгло ея могучія сосны и по склонамъ ея, цѣпляясь за выступы и кусты, плыли бѣловатые клубы дыма.

Эти клубы дыма были облака. Они плыли и собирались наверху въ бѣлоснѣжную чалму.

Вонъ въ этой чалмѣ вынырнули двѣ небольшія фигуры. Чабанъ въ сдвинутой на затылокъ шалкѣ съ кривыми ногами и съ толстой дубинкой въ рукѣ и собака.

Чабанъ приложилъ къ глазамъ руку и сталъ глядѣть на, растилавшуюся передъ нимъ картину.

Онъ видѣлъ больше меня. Онъ видѣлъ набережную съ ея проводниками, скученную и, какъ бы затянутую въ зеленый корсетъ изъ виноградниковъ красавицу Ялту. Онъ видѣлъ гигантскаго Медвѣдя (гору), жадно пьющаго воду, Гурзуфъ, Алупку, Ливадію и жемчужины Крыма—Массандру и Ореанду.

Постоявъ съ минуту, онъ взмахнулъ дубинкой и куда-то провалился вмѣстѣ съ собакой.

Мимо меня, тяжело переваливаясь, какъ утка, проковылялъ старый татаринъ со связкой колбасъ.

— Сабанызь хайръ олсунъ (Доброе утро)! — прошевелилъ онъ губами и слегка поклонился.

— Сабанызь! — отвѣтилъ я.

Мимо пронеслися потомъ двѣ татарскія дѣвочки въ длинныхъ цвѣтныхъ платицахъ и расшитыхъ золотомъ шапочкахъ. Въ рукахъ у нихъ болтались мѣдные кувшинчики.

— Чебуреки! — кинулъ я имъ въ догонку одно изъ десятка, усвоенныхъ мною татарскихъ словъ.

Дѣвочки повернули свои головы, посмотрѣли на меня, какъ на сумасшедшаго, звонко захохотали и понеслись быстро.

Я засмѣялся тоже.

Вслѣдъ за ними проплыла мимо меня верхами пара — проводникъ изъ узенбашей съ дикимъ цыганскимъ лицомъ и изящная молодая дама.

Они проплыли, не замѣтивъ меня, обнявшись, и застывъ въ долгомъ поцѣлуѣ.

Проводивъ ихъ глазами, я потянулся въ душистой травѣ и сталъ глядѣть на рѣчку.

Она текла зигзагами, была мутна и шумѣла.

Я глядѣлъ, какъ она несетъ и кружить, посылаемая издалека щепки, камни, и кусочки бумажекъ.

Это забавляло меня.

Глаза стали у меня слипаться.

Откуда-то донеслись звуки зурны.

Я открылъ широко глаза, но тотчасъ же сомкнулъ ихъ.

И скоро подъ звуки зурны и шумъ Дерикоя я задремалъ. Сладко, сладко.

И сквозь дрему я услышала повѣсть объ одной бѣдной татаркѣ.

О Гуллизарь.

О, страдающей татарской женщинѣ.

Эту повѣсть рассказалъ мнѣ мутный и шумный Дерикой.

Послушайте :

* * *

Между Бахчисараемъ и Ялтой, за высокой Яйлой, лежитъ татарское селеніе Узень-Бапъ.

Жители этого селенія не похожи на татаръ Дерикоя *) и Ялты.

Они живутъ замкнутой жизнью, сторонятся европейцевъ, свято оберегаютъ традиціи дѣдовъ и съ презрѣніемъ относятся къ обьевропеившемуся татарину.

— Сень масульманъ дегиль, — ты не мусульманинъ, — говорятъ они такому татарину. Ты — шарлатанъ.

И такой татаринъ, попавъ въ Узень-Бапъ по дѣлу, обязательно подвергается насмѣшкамъ.

За нимъ гонятся толпой мальчишки, швыряютъ въ него камнями, грязью и смѣются надъ его пиджакомъ, галстукомъ и манишкой.

Узенбаши — настоящіе татары. Фанатичные, религіозные. И въ тѣсныхъ улицахъ Узень-Бапа вы встрѣтите въ пять разъ больше чалмъ, чѣмъ въ Ялтѣ.

Нѣтъ, можно сказать, въ селеніи этомъ ни одного старика, который не побывалъ бы въ Меккѣ и не заслужилъ бы право на ношеніе чалмы — этого безцѣннаго украшенія, вѣнца масульманской головы.

Встаютъ узенбаши и ложатся рано.

Какъ только прогнѣлъ на минаретѣ муэдзинъ, огни всѣ тушатся, и сонъ нисходитъ на все селеніе. И вечернюю тишину нарушаютъ однѣ собаки да милліарды цикады, разсыпанныхъ по садамъ и плантаціямъ.

*) Деревня.

Узенъ-Баншъ—сравнительно небольшое селеніе. Но кто бы могъ подумать, что это селеніе — умственный центръ почти всего Крыма, что сюда стекается лучшая татарская молодежь, жаждущая познать истину?

Истина для татаръ заключается въ откровеніяхъ Магомета, въ Коранѣ и они познають ее въ медресе.

Узенъ-Баншъ знаменитъ своимъ медресе. Слѣшкомъ 400 человекъ съ утра до вечера сидятъ въ немъ, поджавши ноги и съ блестящими глазами слушаютъ почтенныхъ мудериссовъ *).

Дивенъ и прекрасенъ арабскій языкъ. Это—языкъ звѣздъ, языкъ цвѣтовъ, травъ, горнаго ручейка. И на этомъ языкѣ мудериссы повѣствуютъ своимъ ученикамъ о величіи Магомета.

И вотъ въ этомъ Узенъ-Баншѣ жилъ нѣкогда благочестивый старикъ Ибрагимъ-оглу.

Ибрагимъ дважды побывалъ въ Меккѣ, зналъ наизусть Коранъ и долгое время преподавалъ въ медресе.

Узенбаши чрезвычайно уважали его. Они уважали его за его прямоту, честность и, завидя его зеленую чалму, бѣлый халатъ и бѣлую, заигрывающую съ вѣтеркомъ, бороду, низко кланялись и почтительно проносили :

✓ — Селямъ алейкюмъ!

Ибрагимъ жилъ въ большомъ почетѣ. Его можно было встрѣтить на всѣхъ похоронахъ, свадьбахъ и собраніяхъ и вездѣ слышалась его умная, пересыпанная изрѣченіями изъ Корана, рѣчь.

Несмотря однако на все его благочестіе, Аллахъ не очень-то милостивъ былъ къ нему. Онъ отнялъ у него добрую подругу-жену, двухъ дочерей, но за то въ утѣшеніе оставилъ одного сына.

Сыну было 22 года и звали его Абдаллой. Абдалла былъ дѣйствительно утѣшеніемъ Ибрагима.

*) Преподаватели.

Онъ былъ красивъ, скромнъ, послушенъ и мягокъ, какъ женщина.

На него заглядывались всѣ узенбаши.

— Славный у тебя уланъ (парень), — говорили часто Ибрагиму его сосѣди. Онъ поистинѣ достоинъ хорошей невѣсты. Когда ты женишь его?

Сосѣди при этомъ въ довольно прозрачныхъ намекахъ указывали на красавицу Гуллизаръ—дочь бахчисарайскаго мѣщанина, владѣльца шорной лавки и пекарни.

— Настанетъ время,—отвѣчалъ, ухмыляясь въ бороду и медленно поглаживая ее, Ибрагимъ.

Ибрагимъ съ Абдаллой жили, какъ всѣ узенбаши. Воздѣлывали свой чаиръ *), жгли на Яйлѣ изъ, расколотыхъ сосенъ, уголь и разводили домашнихъ птицъ. И все лишнее сбывали въ Бахчисараѣ и Ялтѣ.

Сбытомъ занимался Абдалла.

Каждую недѣлю онъ нагружалъ громадную корзину яйцами и отправлялся въ Ялту.

Не долго возился съ яйцами Абдалла. Товаръ былъ ходкій и онъ живо распродалъ его по базарамъ и дачамъ. Распродавъ, онъ, не медля ни минуту, не заглядывая въ кофейню, даже въ Дерикой, гдѣ у него было много знакомыхъ, отправлялся домой.

Впрочемъ, торопясь домой, онъ выполнялъ волю отца.

Отправляя его въ Ялту, отецъ постоянно твердилъ:

— Помни: какъ только распроданъ товаръ—спѣши домой. Не заходи въ кофейни. А пуще всего избѣгай проводниковъ. Слышишь? — и онъ впивался въ него острыми глазами.

— Слышу! — кивалъ головой Абдалла.

Ибрагимъ имѣлъ полное основаніе опасаться Ялты. О, эта Ялта!

Старый Ибрагимъ при одномъ воспоминаніи о ней сплевывалъ и грозилъ въ ея сторону кулакомъ.

*) Участокъ земли.

Онъ ненавидѣлъ ее. Ненавидѣлъ за ея тѣсные дома, рестораны, гостиницы и гранитъ, оттѣснившіе далеко отъ набережной табачныя плантаціи, а пуще—за ея циничныхъ дамъ, блудныхъ женъ, бѣгущихъ отъ своихъ мужей, карабкающихся въ кисейныхъ платяхъ по скаламъ, ищущихъ чужихъ объятій и развращающихъ «улановъ».

Сколькихъ эта Ялта окончательно развратила! Она развратила 65 человѣкъ, и 65 человѣкъ, гарцующіе по набережной въ, расшитыхъ золотомъ, курткахъ, въ шапочкахъ съ золотыми дончиками, съ ухарски завитыми усами и наглымъ взглядомъ—татары, сыновья честныхъ татаръ, живущихъ въ Дерикофъ, Бахчисарафъ и Ялтѣ.

Стыдъ, позоръ! И тѣмъ больше этотъ позоръ, что среди нихъ — этихъ куртизановъ, покрывшихъ стыдомъ весь Крымъ, — находятся три узенбана.

Вотъ почему старый Ибрагимъ опасался Ялты. Вотъ почему онъ постоянно предупреждалъ Абдаллу и, когда тотъ возвращался, пытливо заглядывалъ ему въ глаза, точно желая пронзить его взглядомъ.

Однажды, распродавъ товаръ, Абдалла зашелъ въ кофейню. Это была интереснѣйшая кофейня въ Ялтѣ.

Хозяинъ ея — константинопольскій татаринъ варилъ кофе, какъ никто въ Ялтѣ и весь день услаждалъ гостей своей чудной игрой на ручной фисгармоніи.

Онъ игралъ все старыя восточныя мотивы—мягкіе, заунывные, и гость, сидя за своимъ кофе, грезилъ.

— Биръ хаве, ве наргуле (чашечку кофе и наргиле)!—сказалъ Абдалла, подковылявшему къ нему старому татарину-лакею и сѣлъ за столъ.

Тотъ принесъ.

— «Переводчикъ», — попросилъ потомъ лакея Абдалла.

Лакей принесъ «Переводчикъ».

Попивая густое, сладкое кофе, посасывая янтарь наргуле и однимъ ухомъ слушая фисгармонію, Аб-

далла сталъ перелистывать «Переводчикъ».

Онъ очень любилъ эту небольшую, но честную татарскую газету, издаваемую въ Бахчисараѣ Измаиломъ Гастринскимъ.

Абдалла остановился на статьѣ о проводникахъ.

Гастринскій стыдилъ ихъ. Говорилъ, что они должны бросить это гнусное ремесло и смыть пятно, наложенное ими на весь Крымъ и татаръ.

Вдругъ Абдалла почувствовалъ на плечъ какую-то тяжесть.

Онъ обернулся и увидалъ передъ собой расфранченнаго субъекта—въ золоченной курткѣ съ массой брелочковъ, въ шелковыхъ шароварахъ, въ блестящихъ сапогахъ и въ красивой шапочкѣ.

Держа на его плечъ лѣвую руку съ большимъ маркизомъ на мизинцѣ, расфранченный субъектъ правой рукой шевелилъ хлыстъ и улыбался.

Абдалла вытаращилъ на него глаза и подумалъ: «что этому проводнику отъ меня надо?»

— Ахшамхайрлсенъ! (здравствуй) — воскликнулъ весело проводникъ. Не узнаешь меня?

— Не узнаю,—продолжалъ таращить глаза Абдалла.

— Мамуть!

— Ты?! Мамуть?! — воскликнулъ теперь весело Абдалла.

— Я! А то кто-же? — отвѣтилъ самодовольно Мамуть.

Абдалла осматривалъ его съ головы до ногъ и поражался. «Мамуть, тотъ самый Мамуть, который овецъ пасъ и вѣчно ходилъ въ продрянномъ халатѣ! Чудеса!»

Мамуть между тѣмъ рисовался.

Хлопнувъ хлыстомъ по зеркальному голенищу, онъ громко скомандовалъ:

— Биръ хаве!... Ну-съ!—сказалъ онъ, подсаживаясь къ Абдаллѣ и, играя своими брелоками,—скажи, что въ Узень-Башѣ дѣлается?

— Ничего. Все—по старому,—отвѣтилъ Абдалла.

— Медрессе не провалилось еще?

— Аллахъ съ тобой! — укоризненно покачалъ головой Абдалла.

— А старикъ твой живъ?

— Живъ.

— И ворчитъ попрежнему?

Абдалла промолчалъ и нахмурился.

— Чего лобъ хмуришь?

Абдалла посмотрѣлъ на него угрюмо и, указавъ на «Переводчикъ», спросилъ:

— Читалъ?

— Плевать! — махнулъ рукой Мамутъ. Мало-ли что пишутъ. Жрать этимъ писакамъ нечего и завидно имъ, вотъ они и пишутъ. А ты чѣмъ теперь занимаешься?

— Тѣмъ, чѣмъ—раньше.

— Яйцами торгуешь? Это видно. По платью видно! И онъ не то презрительнымъ, не то сожалѣющимъ взглядомъ скользнулъ по его рыжей шапкѣ и порванному халату, изъ котораго ключьями лѣзла вата.

— А я радъ! — добавилъ онъ. Ей Богу радъ, что встрѣтилъ тебя. Вѣдь мы съ тобой—друзья дѣтства. Помнишь, какъ на Ай-Петри восходъ солнца смотрѣть лѣзли? Ты чуть не слетѣлъ.

— Помню,—отвѣтилъ уже примиреннымъ голосомъ Абдалла.

— Ты отсюда—куда?

— Домой.

— Глупости! Я не пущу тебя. Ай-да ко мнѣ на конюшню. Покажу своихъ лошадей!

— Не могу,—покачалъ головой Абдалла.

— Почему? Отца боишься?

Абдалла покраснѣлъ.

Мамутъ звонко расхохотался и, хлопнувъ его по плечу, сказалъ:

— Будь покоенъ. Не совращу тебя.

Абдаллѣ сдѣлалось неловко и онъ согласился пойти. Выпивъ еще по чашечкѣ кофе, они оставили кофейню.

Абдалла, идя рядомъ съ блестящимъ Мамутомъ, робко ежился. Краска заливала все лицо его и ему казалось, что всѣ тычуть въ него пальцами.

Мамутъ же, напротивъ, держалъ себя непринужденно. Онъ крутилъ усъ, похлопывалъ по голенищу хлыстомъ и нахально глядѣлъ въ глаза старымъ почтеннымъ татарамъ, которые отворачивались отъ него и громко сплевывали.

Не сплевывали и не отворачивались отъ него одни господа—шикарныя дамы и мужчины.

Они, напротивъ, привѣтливо кивали ему головами и обмѣнивались съ нимъ на ходу короткими фразами.

Мамутъ провелъ Абдаллу черезъ цѣлую стѣту улицъ и переулковъ въ одинъ домъ.

— Здѣсь моя конюшня,—сказалъ Мамутъ.

Въ просторномъ дворѣ, подъ деревяннымъ навѣсомъ на подстилкахъ изъ соломы и циновокъ, стояли въ рядъ 10 лошадей одна другой красивѣе. Настоящія картинки.

Онѣ весело помахивали головами и прожевывали солому. Возлѣ нихъ возились два конюха.

— Правятся?—спросилъ Мамутъ Абдаллу, у котораго при видѣ лошадей глаза разбѣжались.

Вмѣсто отвѣта у Абдаллы вырвался неопредѣленный звукъ. Онъ не подыскалъ словъ для выраженія своего восторга.

Правились-ли онѣ ему?!

Да онъ охотно отдалъ-бы лѣвую руку или десять лѣтъ жизни, хотя-бы за эту караковую лошадь съ тонкими, какъ струна, ногами и съ гордой лебединой шеей!

Съ какимъ удовольствіемъ онъ осѣдлалъ-бы ее и помчался-бы по степи мимо стада овецъ и коней чабановъ.

Абдалла былъ чудный наѣздникъ.

Когда ему удавалось выпросить у сосѣда лошадь, онъ мчался на ней, какъ духъ въ степи, взбирался съ нею на кручи и часто вырасталъ вмѣстѣ съ нею на краю Яйлы, какъ статуя передъ изумленнымъ, карабкающимся наверхъ туристомъ.

— Ахъ, ахъ, какія лошади! У эмира нѣтъ такихъ лошадей!

Мамутъ былъ очень польщенъ искреннимъ восторгомъ Абдаллы и, хлопнувъ его по плечу, сказалъ:

— Не такъ-ли?! А хочешь имѣть такихъ лошадей?

Абдалла вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Сдѣлайся проводникомъ!

Абдалла поблѣднѣлъ, отшатнулся и, отмахиваясь руками, какъ отъ призрака, проговорилъ:

— Никогда, никогда!

Онъ потоптался потомъ съ минуту на одномъ мѣстѣ и торопливо пошелъ къ воротамъ.

— Чего же ты не прощаешься?!— крикнулъ ему вслѣдъ Мамутъ. Не хочешь?! Чортъ съ тобою. Желая тебѣ сломать ногу! Эй, чабанъ! и онъ громко захохоталъ.

Но Абдалла давно не слышалъ обидныхъ словъ и хохота и широко шагалъ по улицѣ.

Абдалла вернулся домой сильно взволнованнымъ. Его взволновала наглость Мамута.

Отъ Ибрагима волненіе сына не укрылось.

Онъ инстинктивно почувствовалъ, что эта гидра, лежащая далеко позади, въ 20 верстахъ, протягиваетъ уже къ нему свои лапы и хочетъ вырвать у него сына.

Но онъ ничего не сказалъ Абдаллѣ, а только удвоилъ свою бдительность и сталъ рѣже отпускать его въ Ялгу.

Абдалла же самъ, сознавая какая ему грозитъ опасность, забылъ о красивыхъ лошадяхъ и, когда яв-

лялся въ Ялту, то за два квартала обходилъ набережную и ту кофейню, дабы не встрѣтить вторично своего демона-искусителя—Мамута.

Съ теченіемъ же времени онъ окончательно забросилъ Ялту и сбывалъ свой товаръ исключительно по дачамъ.

— Яйцы, яйца!—выкрикивалъ онъ своимъ приятнымъ теноромъ подъ окнами дачниковъ.

— Ступай-ка сюда! — услышалъ онъ однажды за рѣшетчатой калиткой дачи мягкой, женскій голосъ.

Онъ открылъ калитку и вошелъ. Въ двухъ шагахъ отъ калитки, подъ мимозой, развалился на лонгшезѣ, сидѣла полная, красивая дама съ большими черными глазами и голой шеей. Ее крѣпко обнималъ тонкій кисейный лифъ.

У ногъ ея сидѣла хорошенькая, бѣлокурая лѣтъ 8-ми дѣвочка.

Дама, не измѣняя позы, уставилась въ Абдаллу своими жгучими глазами, сощурилась и съ улыбкой спросила:

— Почему десятокъ?

— 30 копеекъ, мадамъ!—и онъ потушился.

— Дайте полтора десятка.

Онъ поставилъ на землю корзину, нагнулся и сталъ считать.

Онъ считалъ и чувствовалъ на себѣ ея жгучій взглядъ.

Когда онъ сосчиталъ, она сказала ему:

— Идемте. Я уплачу вамъ... Люси, allons—кинула она головой дѣвочкѣ.

Она провела его въ кокетливый домикъ-особнякъ и пригласила въ комнату.

Комната была уютна и красиво убрана.

Вездѣ—цвѣты, картины, китайскіе вѣера и бѣлоснѣжныя занавѣси. Въ углу стоялъ блестящій рояль, а межъ оконъ—роскошный туалетный столъ. Пахло духами.

Дама стала рыться въ комодѣ.

— Люси, — сказала она вдругъ черезъ плечо, — ступай въ садъ.

Люси, обрадовалась и выпорхнула изъ комнаты.

Абдаллѣ сдѣлалось жутко въ этой роскошной, благоухающей комнатѣ и въ близи этой красивой женщины.

Онѣ хотѣлъ поскорѣе уйти, но она все рылась.

Рылась, показывая ему красивыя плечи и затылокъ.

Она, наконецъ, нашла портмоне, достала двѣ серебряныя монеты и подошла къ нему.

Онѣ протянулъ руку, но она, вмѣсто того, чтобы дать ему деньги, уставилась въ него по прежнему жгучими глазами, указала на стулъ и сказала:

— Садитесь.

Онѣ машинально сѣлъ. Она сѣла напротивъ и спросила, лаская его глазами:

— Вы—изъ Дерикоя?

— Нѣтъ. Изъ Узень-Башъ,—отвѣтилъ онѣ ломаннымъ русскимъ языкомъ.

— А далеко—Узень-Башъ?

— 20 верстъ.

— И вы пѣшкомъ идете.

— Да.

— Бѣдненькій.

Она произнесла послѣднее слово такимъ любовнымъ тономъ, что у него голова закружилась.

— Скажите, всѣ въ Узень-Башѣ—такіе красивые, какъ вы?—предложила онѣ потомъ вопросъ?

Абдалла улыбнулся.

— А женщинъ вы любите?

Робость моментально покинула Абдаллу и онѣ смѣло отвѣтилъ:

— Люблю.

— А я вамъ нравлюсь? — услышалъ онѣ почти надъ самымъ ухомъ страстный шопотъ.

— Да!—и, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, онѣ крѣпко заключилъ ее въ свои объятія...

Въ часъ ночи Абдалла оставилъ эту комнату. Онъ оставилъ ее съ тяжелой головной болью.

Шатаясь, какъ пьяный, онъ пошелъ на набережную и облокотился о парапетъ.

Внизу, у ногъ его лежало спокойное, ровное, какъ доска, и, иллюминированное пароходными огоньками, море.

Морская прохлада освѣжила его. Онъ вспомнилъ сегодняшний день и ужаснулся.

— Боже! Что я надѣлалъ?!—вырвалось у него.

— И что теперь дѣлать?! Пойти домой? Но вѣдь поздно! Что скажетъ отецъ?! — сталъ онъ забрасывать себя вопросами.

Онъ былъ въ отчаяніи. Но отчаяніе это скоро прошло.

Онъ вспомнилъ «ее» и улыбнулся.

Какая женщина! Онъ чувствовалъ еще на своихъ губахъ ея горячіе поцѣлуи, обонялъ запахъ ея волосъ и слышалъ ея страстный голосъ:

— Милый! Абдалла! Такъ ты прійдешь завтра? Помни. Я жду тебя.

Абдалла сразу забылъ про отца, весело свитснулъ и пошелъ по набережной.

Всю ночь пробродилъ онъ по городу, а утромъ подкрѣпился въ кофейнѣ двумя чашечками кофе, чебу-реками и въ полдень опять пошелъ на дачу.

Она уже ждала его. Люси не было.

Она отослала дѣвочку на весь день къ знакомымъ.

Она усадила его и поставила передъ нимъ жареную курицу, сыръ и ликеры.

Абдалла три дня провелъ на дачѣ.

Она не отпускала его.

На четвертый онъ рѣшительно заявилъ, что уходитъ:

— Ты меня бросаешь?—заплакала она.

— Нѣтъ. Чѣго плачешь Марья Ивановна. Поня-
маншь? Атець ждетъ. Ругать мене будѣтъ.

— Я не пущу тебя.

— Пускай. Отэць, говорю, ругать будэтъ.

— А ты прійдешъ еще?

— Прійду.

Она повѣрила и отпустила его.

Абдалла шель домой, понурившись. Его сильно занималъ вопросъ:

„Что онъ скажетъ отцу? Вѣдь онъ, шутка сказать, трое сутокъ не былъ дома.

— Скажу, рѣшилъ онъ, что встрѣтилъ знакомаго и тотъ пригласилъ меня въ Севастополь.

Отець встрѣтилъ его необыкновенно сурово.

— Гдѣ пропадалъ трое сутокъ?

— Въ Севастополѣ. Я...

— Кѹпѣкъ (собака)! Врешь!—загремѣлъ разгнѣванный старикъ и вонзилъ въ него два глаза острыхъ, какъ кинжалы.

Абдалла безпомощно опустилъ голову.

— Деньги принесть?

— Принесть.

Абдалла сталъ рыться въ карманѣ.

— Что это?—грозно спросилъ отецъ.

Изъ кармана Абдаллы выскочило золотое кольцо съ двумя брильянтами. Это былъ ея подарокъ.

Абдалла поблѣднѣлъ.

Отець поднялъ кольцо, повертѣлъ его въ пальцахъ, сдѣлался чернѣе тучи и спросилъ:

— Кто далъ?

— Нашелъ.

— Кто далъ?!—подступилъ къ нему съ кулаками отецъ.

Онъ былъ страшенъ.

— Одна дама,—съ трудомъ выговорилъ Абдалла.

— А!... Какъ было дѣло?! Расскажи!

Абдалла чистосердечно рассказалъ.

— Хорошо,—прошепталъ отецъ и взмахнулъ рукой.

Кольцо сверкнуло на солнцѣ своими брильянтами и золотомъ и, описавъ блестящую дугу, полетѣло въ, протекавшій возлѣ дома ручей.

— Ахъ!—вырвалось у Абдаллы.

Покончивъ съ кольцомъ, Ибрагимъ смѣрилъ сына уничтожающимъ взглядомъ и сказалъ:

— Готовься. Черезъ пять дней твоя свадьба.

Абдалла вздохнулъ съ облегченіемъ. Въ сущности говоря онъ остался очень доволенъ этимъ исходомъ.

Онъ женится, возьмется за хозяйство и перестанетъ бывать въ Ялтѣ. Ну ее—эту Ялту къ шайтану!

Какъ сказалъ отецъ, такъ и было. Черезъ пять дней въ Узень-Башъ наѣхали изъ Бахчисарая и Дерикоя гости и всѣ улицы его наполнились звуками рожковъ, даули и зурны.

Три дня шировали на свадьбѣ Абдаллы и Гуллизаръ гости и сыпали всякими пожеланіями на голову молодой и красивой парочки.

Женивъ Абдаллу, старый Ибрагимъ сказалъ:

— Теперь я могу спокойно умереть.

А смерть стояла уже у него за плечами.

Онъ умеръ, и послѣднія слова его были:

— Помни Абдалла: избѣгай Ялты, не дружись съ проводниками и не знакомься съ москвичками *). А то прокляну... за гробомъ.

Абдала похоронилъ его, поплакалъ и принялся за обработку, оставшагося ему въ наслѣдство чаира.

Но работа у него не клеилась. Онъ бросалъ часто заступъ и задумывался. Онъ уносился мысленно въ Ялту, на набережную, въ конюшню Мамуда и на знакомую дачу.

*) Русскія дамы.

А потомъ отправлялся къ ручью и часами шарилъ рукой по ея кремнистому дну. Онъ хотѣлъ найти кольцо.

Гуллизаръ, замѣчая въ немъ перемѣну, спрашивала: — Что съ тобой?

Но онъ ничего не отвѣчалъ.

Нѣжная, застѣнчивая и холодная, она не нравилась ему. И глядя на нее, онъ постоянно вспоминалъ москвичку, Марью Ивановну.

Какая разница! Голубка и страстная, ненасытная самка.

Абдаллѣ сдѣлалось скучно, и онъ сталъ исчезать изъ дому. Онъ исчезалъ на день, на два, а то и на недѣлю.

Однажды онъ исчезъ на цѣлый мѣсяць.

Гуллизаръ пролила цѣлые ручьи слезъ.

Какъ-то вечеромъ въ одной изъ узенбаишскихъ кофейнъ зашла рѣчь объ Абдаллѣ.

— Бѣдная Гуллизаръ,—сказалъ муэдзинъ. Какъ она убивается. И куда Абдалла дѣлся?!

— Абдалла?! А вѣдь онъ проводникомъ сдѣлался,—медленно проговорилъ старый и кривой татаринъ, посасывавшій наргуле.

— Какъ?! Неужели?!—послышались со всѣхъ сторонъ возгласы.

Старый татаринъ спокойно поправилъ на макушкѣ наргуле уголки и также медленно, какъ и прежде, проговорилъ:

—Какъ-же!—Я вчера былъ въ Ялтѣ и видѣлъ его на набережной. Какъ онъ одѣтъ! Куртка на немъ, какъ солнце блеститъ. На груди—золотая цѣпь. А лошадь подъ нимъ! Тысячи полторы навѣрно стоитъ. Я слышалъ на базарѣ, что ему лошадь прислала изъ Москвы купчиха. Онъ, когда меня замѣтилъ, отвернулъ голову. Тыфу! сплюнулъ въ заключеніе старикъ.

— Пропалъ человѣкъ!—вздыхнулъ муэдзинъ. Если бы старый Ибрагимъ зналъ! Хорошо, что онъ теперь въ могилѣ лежитъ. Еще одно пятно—на Узень-Башѣ.

Извѣстіе объ Абдаллѣ моментально дошло до Гуллизаръ. Она зашаталась.

Оправившись, она сѣла вмѣстѣ съ сестрой и матерью въ можару (телѣга), накрылась чадрой и поѣхала въ Ялту.

Она хотѣла убѣдиться—правда-ли.

Не доѣзжая Ялты, она слѣзла вмѣстѣ съ матерью съ можары, велѣла сестрѣ обождать и помчалась на набережную.

— Онъ! Мама!—вырвался у нея стонъ.

Стонъ былъ задушенъ чадрой.

Мать посмотрѣла и еле устояла на ногахъ.

Окруженный четырьмя амазонками и двумя представительными мужчинами, „онъ“ ловко гарцовалъ на золотистой лошади.

Абдаллу нельзя было узнать. Онъ весь былъ въ серебрѣ и золотѣ.

Гуллизаръ откинула чадру, рванулась съ протянутыми руками впередъ и крикнула:

—Абдалла!

Абдалла не услышалъ ея, но машинально обернулся.

Лицо у него внезапно побѣлѣло. Онъ увидалъ ее, привсталъ въ сѣдлѣ и сдѣлалъ движеніе, точно собираясь остановить лошадь. Но раздумалъ.

Въ воздухѣ сверкнулъ его серебряный хлыстъ и лошадь подъ нимъ взвилась.

Она увлекла за собой и остальныхъ. И въ глазахъ Гуллизаръ замелькали копыта.

Стукъ ихъ отозвался въ ея сердцѣ.

Возвратившись домой, Гуллизаръ весь вечеръ проплакала и съ трудомъ уснула.

Въ часъ ночи ее разбудилъ лай. Лаялъ „Кипарисъ“—сторожевой песъ.

— Тихе,—успокаивалъ подь окномъ пса мужской голосъ.

Песъ замолчалъ.

Гуллизаръ услышала потомъ, какъ кто-то скребется въ окно.

Оконная рама вдругъ расхлопнулась и въ комнату вскочилъ кто то.

Гуллизаръ замерла въ ужасъ.

Но этотъ ужасъ прошелъ какъ только она услышала знакомый голосъ.

— Это—я, Абдалла! Не бойся.

Съ этими словами онъ подошелъ къ ней, грохнулся передъ нею на колѣни и зарыдалъ.

— Прости! Дорогая моя, голубка!—лепеталъ онъ сквозь слезы.

Вмѣсто отвѣта Гуллизаръ любовно провела рукой по его лбу и проговорила:

— Боже! Какъ ты исхудалъ, измѣнился, бѣдный мой Абдалла!

Узенбаши на слѣдующій день сильно удивились, увидѣвъ Абдаллу въ его прежнемъ старомъ халатѣ, обжигающимъ уголь и, починяющимъ колеса можары.

— Раскаялся!—говорили узенбаши.

Да! Они были правы. Абдалла раскаялся.

Для полного раскаянья онъ сжегъ свою золотую куртку и побросалъ въ знакомый ручей серебряный съ чернью поясъ, кольца и брелоки. А также кошелекъ съ золотыми монетами.

Абдалла принялся теперь энергично за работу.

Но все это было временно.

Прошелъ періодъ раскаянья и онъ соскучился опять по набережной, по веселымъ москвичкамъ, по ресторанамъ и оргіямъ.

Его потянуло опять въ Ялту.

Абдалла не выдержалъ и исчезъ. На этотъ разъ—надолго.

Абдалла въ теченіе короткаго времени сдѣлался лучшимъ проводникомъ.

Дамы брали его на расхватъ.

Брали его также и мужчины, такъ какъ онъ зналъ Крымъ, какъ никто.

Это былъ не проводникъ, а художникъ. Онъ каждый разъ открывалъ новые уголки, незнакомые его коллегамъ и говорилъ о каждомъ новомъ уголкѣ съ восторгомъ!

—Ва, ва, ва! Какой я сѣгодня нашелъ мѣсто. Понимаешь?! Кругомъ—кипарисъ. Какъ колю! А на середина—вода. Какъ слеза (слеза) чистый. Усе (все) въ вода видно. Дно, камушки. А камушки, какъ быруза (бирюза) красивый. Ва, ва, ва! Поѣдемъ туда.

Въ самое короткое время у него появилась большая конюшня, масса сувенировъ отъ разныхъ „Марій Ивановныхъ и Клеопатръ Петровныхъ“, расшитыя золотомъ куртки и много денегъ.

Дамы избаловали его.

И сталъ онъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ.

Этакая веселая жизнь! Ышь, пьешь, катаешься по горамъ и все съ благородными дамами.

А устанешь,—ляжешь гдѣ-нибудь подъ кипарисомъ, и съ двухъ сторонъ тебѣ напѣваютъ въ уши двѣ испанистыя дамы:

Пац-цѣлуемъ дай за-абвенье,
Му-уки «сердца» испѣ-ли-и,
Пусть умчатся прочь «са-а-мнѣнья»(?),
Пац-цѣлуемъ жизнь возьми-и!

Временами однако жизнь эта ему надоѣла. Тогда онъ отшвыривалъ отъ себя этихъ дамъ, бѣжалъ въ Узенбашъ, вымаливалъ у Гуллизаръ прощенье и мѣнялъ свою куртку на халатъ.

Такъ повторялось часто.

Гуллизаръ привыкла къ этому и не говорила ему лишняго слова, хотя много-много накопилось у нея.

Какъ-то госпожа, съ которою Абдалла въ послѣднее время возился и которой показывалъ всѣ достопримѣчательности Крыма, спросила его:

— У тебя есть жена?

— Есть!—отвѣтилъ, немного подвыпившій Абдалла.

— Красивая?

— Очѣнь.

— Покажи мнѣ ее.

— Можно! Ъдемъ!

Они были на лошадяхъ. Абдалла огрѣлъ хлыстомъ свою и ея лошадь, и они помчались.

Они пріѣхали въ Узень-Башъ къ вечеру.

— Сейчасъ покажу тебѣ жену!—сказалъ онъ и ввелъ госпожу въ комнату.

Гуллизаръ еще раньше, увидѣвъ госпожу въ окнѣ, скрылась.

— Гуллизаръ—хлопнулъ въ ладоши Абдалла.

Гуллизаръ медленно, какъ приговоренная къ смерти, вышла съ опущенной головой и накрытая чадрой изъ сосѣдней комнаты и остановилась, какъ вкопанная.

— Здравствуй, Гуллизаръ!—сказалъ, стараясь быть ласковымъ, Абдалла. Тебя хочетъ видѣть эта дама.

— Да, да милочка!—воскликнула дама и поднесла къ носу лорнетъ. Попроси ее, Абдалла, показать лицо.

— Горсетъ юзини! *)—перевелъ Абдалла.

— Истемень (не хочу)! — отвѣтила Гуллизаръ.

— Горсетъ (покажи)!—крикнулъ, взбѣшенный Абдалла.

Гуллизаръ быстро откинула чадру и показала свое смертельно блѣдное лицо. Она смотрѣла съ презрѣніемъ на даму.

*) Покажи лицо.

— Ахъ, какая она хорошенькая!—воскликнула дама. Мамочка, я васъ поцѣлую! и она бросилась къ ней. Но она тотчасъ же остановилась.

Вмѣсто блѣдной и кроткой женщины передъ нею стояла разъяренная тигрица.

Гуллизаръ топнула ногой, указала на дверь и крикнула нечеловѣческимъ голосомъ:

— Джоюль джарисъ (вонъ, падшая женщина)!

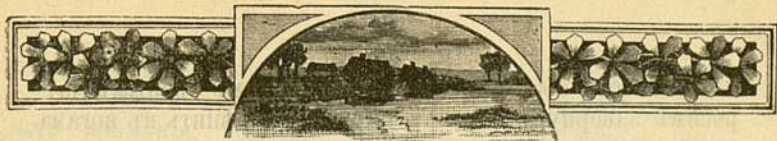
Абдалла посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ схватилъ за руку, перепуганную на смерть, госпожу и выскочилъ съ нею на дворъ.

Вслѣдъ за ними изъ комнаты вылетѣлъ жалобный стонъ. Точно струна лопнула.

И затѣмъ грохотъ, упавшаго на полъ тѣла.

БОЖКИ КИТАЙЦА

Во всѣхъ васъ сидитъ бѣсъ,
разрушенія. Вамъ не жаль ни
лѣсовъ, ни птицъ, ни женщинъ,
ни другъ друга....

Изъ „Дяди Вани“.

Какъ поживаетъ нашъ китаецъ?—спросилъ капитанъ парохода Добровольнаго флота «Рыцарь» своего помощника.

Пароходъ находился въ Индійскомъ океанѣ.

— Молится,—улыбнулся тотъ.

— Какъ!? По прежнему?! Однако, это становится интереснымъ. Гдѣ онъ теперь?

— На кормѣ.

— Идемте къ нему! И капитанъ вмѣстѣ съ помощникомъ, находившимся на палубѣ, двинулись.

На полуночи имъ повстрѣчалась изящная пассажирка—жена одного негоціанта въ гранатовомъ платьѣ съ крупными брилліантами въ ушахъ.

Подобравъ платье, вся розовая и смѣющаяся, она также мчалась къ кормѣ.

— Куда, Ольга Валеріановна?! — остановилъ ее капитанъ.

— Туда!... Хочу посмотрѣть на китайца, какъ онъ молится.

— Берегитесь, — пошутилъ капитанъ, — какъ-бы онъ не призвалъ на васъ громы, молніи и драконовъ. Будда, ухъ какой злой.

— Велика бѣда! — весело воскликнула Ольга Валеріановна. — Если меня убьетъ молніей, вы, надѣюсь,

позаботитесь обо мнѣ, прикажете вашимъ вѣрнымъ матросамъ завернуть меня въ парусъ, прицѣпить къ ногамъ грузъ и опустить въ волны.

— Что вы, что вы?! Мы васъ ни за что не отдадимъ акуламъ, Вы—слишкомъ лакомый кусокъ для нихъ. Подавятся.

Перебрасываясь такими фразами, всѣ трое добрались до кормы.

— Вотъ онъ,—сказалъ помощникъ.

«Онъ»—молодой китаецъ, почти мальчикъ, худой, желтый, въ круглой шапочкѣ, изъ подъ которой кренделькомъ выглядывала косичка и въ коричневой курткѣ, стоялъ на колѣняхъ возлѣ борта. Передъ нимъ стояли въ рядъ, какъ игрушечные солдатики, смѣшныя деревянныя фигурки съ несоразмѣрно длинными носами и онъ старательно отвѣшивалъ имъ поклоны.

Окружавшіе его плотникъ и нѣкоторые пассажиры—третьеклассники, глядя на него, покатывались.

— Дай-ка я дерну его за косу!—весело воскликнулъ плотникъ, не замѣтивъ капитана.

— Я тебѣ дамъ дернуть за косу!—погрозилъ ему пальцемъ капитанъ.

Плотникъ стушевался.

Ольга Валеріановна подошла совсѣмъ близко къ китайцу, достала лорнетъ и поднесла его къ глазамъ.

— Какой онъ потѣшный!—проговорила она.—А божки его—фигурки-то! Такихъ можно достать на базарѣ по двѣ копейки за штуку.

— Что вы, что вы?—серьезно перебилъ ее капитанъ.—Развѣ можно отзываться такъ пренебрежительно о чьихъ-бы то ни было святыняхъ?!

— Святыни?!—широко раскрыла глаза Ольга Валеріановна.—Да, вы правы!—согласилась она, подумавъ.—У каждого есть свои святыни и пренебрежительно отзываться о нихъ нельзя! Я виновата!—И она

теперь съ уваженіемъ посмотрѣла въ лорнетъ на китайца.

Ровно 20 минутъ клалъ онъ, не обращая ни на кого вниманія, поклоны. Китаецъ потомъ всталъ, собралъ своихъ божковъ, счетомъ двѣнадцать штукъ, сунулъ ихъ въ карманы брюкъ и поглядѣлъ спокойно на окружающихъ.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ вы откопали этого китайца?—обратилась къ капитану Ольга Валеріановна.

— Не я откопалъ, а онъ самъ откопался. За полчаса до отхода изъ Владивостока влетаетъ, какъ бомба, по сходнѣ этотъ самый китаецъ и бѣлтыхъ мнѣ въ ноги. Кланяется и лопочетъ что-то. На его счастье, возлѣ меня стоялъ одинъ мандаринъ, говорящій по русски. — Переведите! говорю я ему. Тотъ перевелъ. Оказалось, что хунхузы вырѣзали родныхъ китайца и домъ ихъ сожгли, а онъ самъ спасся. Онъ просилъ поэтому увезти его подальше изъ Китая. Я подумалъ и согласился. Китаецъ чуть не прыгалъ отъ радости.... Однако, пора обѣдать! Вашу руку!

Ольга Валеріановна дала ему руку и онъ отправился съ нею въ столовую.

Въ столовой было весело. За столомъ давно уже собралось большое общество.

— Мѣсто нашей богинѣ!—воскликнулъ одинъ кавалеръ и поднялся на встрѣчу Ольгѣ Валеріановнѣ.

Слишкомъ часъ длился обѣдъ. Подали ликеры и кофе.

— Что это?!—вздрыгнула вдругъ Ольга Валеріановна.

— Что это?!—воскликнули остальные.

Съ кормы слышались два душу-раздирающихъ крика.

Ольга Валеріановна, а за нею всѣ, бросились къ кормѣ.

— Что случилось? — спросила она по дорогѣ помощника.

— Не знаю!... Обидѣли, говорятъ, китайца.

— Кто обидѣлъ его?

— Какой-то пассажиръ!

Очутившись на кормѣ, Ольга Валеріановна увидѣла слѣдующую картину: посреди на полу метался хитаецъ. Онъ бился головой, скрипѣлъ зубами, вопилъ, грозилъ кому-то кулакомъ и часто поднималъ глаза къ небу. Въ глазахъ его былъ написанъ страхъ и ужась.

— О-о-о-о, ло-ло-ло-ло-о!—вопилъ онъ.

А въ сторонѣ отъ него стоялъ какой-то мрачный пассажиръ съ геморроидальнымъ лицомъ и растерянно глядѣлъ на воду.

— Скажите, что случилось? — спросила матроса Ольга Валеріановна.

— Да вотъ, — пожалуй плечами матросъ, — ёнъ— хитаецъ значить опять разставилъ божковъ своихъ и давай кланяться имъ, а этотъ пассажиръ, мусью, значить, подошелъ, сгрѣбъ ихъ— божковъ-то и бросилъ въ воду. Пошутить, стало быть. А ёнъ хитаецъ — дурной убивается.

Ольга Валеріановна вспыхнула, подошла къ мрачному господину и вызывающе спросила:

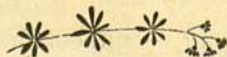
— Скажите, милостивый государь, что-бы вы сказали, *если-бы «то», что вы любите, то, что вамъ дорого, то, чему вы поклоняетесь, взяли и бросили-бы въ воду?!*

Мрачный господинъ ничего не отвѣтилъ.

Ольга Валеріановна обдала его презрительнымъ взглядомъ и громко отчеканила:

— Такъ, милостивый государь, шутятъ только одни!..

Она не договорила и отвернулася.

Цѣна 15 коп.

Складъ изданія
въ конторѣ книгоиздательства М. С. Козмана
въ Одессѣ.

2007054144